

В. Дымищ

ДЕТСКИЕ СТИХИ ЛЬВА КВИТКО В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Детские стихи еврейского поэта Льва Квитко в русских переводах занимают важнейшее место в советской детской поэзии. Квитко переводили на русский язык известные поэты и переводчики, в том числе такие классики детской литературы как Самуил Маршак и Сергей Михалков. В статье проанализированы наиболее известные переводы стихотворений Квитко в сравнении с оригиналом. Задачей статьи является на примере анализа конкретных стихотворений показать как формировалась советская детская поэзия в переводах на русский язык.

Ключевые слова: Квитко, Маршак, Светлов, Заболоцкий, Михалков, детская поэзия на идише, переводы детской поэзии.

Льва Квитко (1895?–1952) русские читатели знают, прежде всего, как замечательного детского поэта. Вопрос, однако, в том, что именно читает русский читатель? Насколько детский поэт Лев Квитко, созданный усилиями многих переводчиков, похож сам на себя?

Иногда, при сопоставлении перевода и оригинала стихов Квитко, кажется, что речь идет о двух разных авторах с разными биографиями. Впрочем, по сути, так оно и есть.

Начать, хотя бы, с имени и фамилии: поэта звали не Лев Квитко́, а Лейб Квйтко. Но имя и ударение в фамилии как-то сами собой русифицировались. Та же ситуация с годом рождения: в качестве даты рождения указывают 1890 г. (чаще), 1893 г. или 1895 г. (реже). Судя по автобиографическому роману «Лям и Петрик» последняя дата больше всего похожа на правду.

Сведения о месте рождения также разнятся. Энциклопедии в этом качестве указывают местечко Голосков (Хмельницкая область, Украина) на северо-западе Подолии, недалеко от Каменца-Подольского. На самом деле Квитко родился в другом местечке, хотя и с таким же названием. Оно было расположено на Южном Буге, тоже в Подолии, но в ее противоположном, юго-восточном углу. Теперь это территория Николаевской области. В Подольской губернии было два Голоскова: один, тот, что в нынешней Хмельницкой области,

Лев Моисеевич Квитко (1895–1952)

сохранил свое название, а другой, тот, что в нынешней Николаевской, был переименован в село Голосково. Именно в этом Голоскове родился поэт. Это отчетливо видно из его автобиографической прозы.

Родился Квитко в бедной, точнее, в сильно обедневшей семье. Рано осиротел, с детства начал трудиться, бродяжничал, получил образование самоучкой. Перед революцией его первые стихи заметил известный прозаик Довид Бергельсон. Квитко начал публиковаться в 1917 г. и практически сразу стал одним из ведущих еврейских поэтов. В 1921 г., как и многие советские еврейские литераторы, выехал в Германию, где тогда на недолгое время сложился новый центр литературы и книгоиздания на идише. Работал в советском торгпредстве в Гамбурге, там же вступил в Германскую компартию, а в 1939 г. — в ВКП(б). И был в этом, как и во всем остальном, что делал и писал, совершенно искренен. В 1925 г. вернулся в СССР и поселился в Харькове, тогдашней столице Украины. В начале 1930-х гг. детские стихи Квитко, которые уже широко издавали на идише, заметил Чуковский и рассказал о них Маршаку. Маршак начал переводить Квитко и заказывать переводы его стихов другим поэтам. Очень быстро, благодаря многочисленным переводам, Квитко стал мэтром советской детской поэзии. В годы войны он входил в президиум Еврейского антифашистского комитета. Был одним из руководителей еврейской секции Союза писателей. 22 января 1949 г. Квитко арестовали. 12 августа 1952 г. в Москве поэт Лейб Квитко был расстрелян вместе с другими членами Еврейского антифашистского комитета. Вот в этом, в отличие от даты рождения, мы можем быть уверены.

Его книги, как и книги других репрессированных еврейских писателей, стали изымать из библиотек. С ними — из-за многочисленности детских изданий — было особенно много хлопот. После реабилитации Квитко его детские стихи в русских переводах снова вернулись к читателю: в 1960–1980-х гг. последовал целый ряд переизданий.

Детские стихи Квитко в русских переводах вместе со стихами Чуковского (он дружил с Квитко и написал о нем восторженные воспоминания [Чуковский 1963, с. 523–536]), Маршака и Михалкова (они переводили Квитко) вошли в большой советский канон. В последние двадцать лет стихи Квитко, в отличие от стихов других советских детских поэтов, почти не переиздаются, однако люди старшего поколения помнят и «Анну-Ванну», и «Климу Ворошилову письмо я написал», и стихи о шалуне Лемеле.

Квитко как советский детский поэт вовсе, так сказать, «не равен сам себе» — еврейскому поэту. Конечно, он одним из первых начал писать для детей на идише, но современники, читавшие Квитко в оригинале, воспринимали его, в первую очередь, как оригинального лирика. Почти неизвестная русскому читателю «взрослая» поэзия Квитко передает странную, невозможную смесь ощущения тихой радости бытия и, одновременно, экзистенциального ужаса. Ужас, например, разлит по страницам «1919», второй книги поэта, посвященной погромам на Украине. Эти стихи предвосхищают во многом знаменитую «Фугу смерти» Пауля Целана.

Рассказать о «взрослых» стихах Квитко — непростая задача, так как они почти не переведены на русский язык. Можно попробовать искать аналогии.

Чем сложнее становилась русская поэзия XX в., тем больше тосковала о возможности «впасть в неслыханную простоту». «Темный» и «сложный» Вячеслав Иванов с восторгом встретил появление стихов Елены Гуро, кажется, самого близкого к Квитко русского поэта. Близкого не сходством, а непохожестью на всех остальных. Близкого в обладании таинственным даром пустоты, тишины и простоты. Такую простоту можно встретить в стихах Кузмина и Хлебникова, но им она давалось не спонтанно, а как результат сознательных попыток «разучиться» писать.

Вот фрагмент стихотворения «Осень иная...», одного из очень немногих ранних стихотворений Квитко в переводе поэта-футуриста Григория Петникова [Квитко 1980. с. 221–222].

Осень иная меня ожидала —
И увела далеко от моих городов.

Юности споров еще не закончил,
Не уложил голубей своих спать,
Девушкам милым слова не молвил,
Затаенного, родного слова.

Осень иная меня ожидала —
И увела далеко от моих городов.
Как больно растрачивать дни
На чужбине!
И я стыжусь плодов созревших
Юности моей, —
Как шелуху ненужную, я высыпаю их
На площади чужие,
И страшно мне,
Что стынет кровь.

И вот на ярмарке, враждебной и чужой,
Встает перед глазами у меня теленок,
Кнуты свистящие, сухие пальцы
На теленке,
На теплом и нагом теленке.

Вот на чужбине
В комнате играю
И строю мир себе:
Вот маленькое небо,
Едва очерчена луна,
И деревце и веточка
Зеленая какая!

Мое к ней прикоснулось сердце,
Легло —
И отдыхает...

(1923)

По этому стихотворению можно, хотя бы отчасти, представить себе лирику Квитко.

Знакомство русских читателей с «взрослыми» стихами Квитко — дело будущего, но многочисленные переводы детских стихов широко известны и заслуживают обсуждения.

Переводы стихотворений Квитко — это пересечение двух направлений переводческой профессии: перевода с «языков народов СССР» и перевода детской поэзии. К этим переводам «нацменской» поэзии прилагались иные критерии, чем к переводам

«высокой» классики, то есть европейской поэзии. Во-первых, с европейских языков немислимо было переводить с подстрочника, а «национальных» поэтов в основном так и переводили. Во-вторых, в переводах европейской классики стремились в максимальной степени сохранить формальную структуру: эквиритмичность и, уж во всяком случае, эквилинеарность. Невозможно представить себе, чтобы переводчик «присочинил» к стихотворению Гейне или Верлена десяток-другой строк «от себя»¹. Но при переводе поэзии с «языков народов СССР» переводчик часто «резвился», вышивая по канве приблизительного подстрочника. Поскольку «нацменский» поэт был заинтересован в русской публикации, то, как правило, особенно не возражал.

В переводах с «языков народов СССР» присутствовала еще одна особенность: негласное деление «национальных» литератур на старописьменные и младописьменные. Признак был простой и очевидный: наличие своей, некириллической письменности. К старописьменным литературам, несомненно, относились грузинская и армянская. Их тоже, в основном, переводили с подстрочника, но «уважительно», как европейские. Идиш был посередине. С одной стороны, своя — еврейская — письменность у идиша была, с другой, русские евреи, с удовольствием перешедшие на русский язык, твердо помнили, что идиш — это не язык, а «жаргон», и церемонится с ним не приходится. На примере стихов Квитко отчетливо видно, насколько точнее и уважительнее переводят его стихи переводчики-неевреи, для которых идиш просто еще один язык. Для переводчиков-евреев, вне зависимости от того, как — с оригинала или с подстрочника — они переводили тексты, написанные на идише, это были всего лишь стихи на «жаргоне», которые следовало «поднять» до русской поэзии. В полной мере такой подход проявился, например, при переводе детских стихов Шике (Овсея) Дриза, еврейского поэта следующего после Квитко поколения [Дымшиц 2008].

Детские стихи должны были в первую очередь сохранять свою «детскость», причем идеалом служила детская поэзия Маршака с ее «звонкостью» и игровым началом. Стихи должны были быть понятны ребенку без комментариев, поэтому реалии и образный ряд легко подвергались изменениям.

Перевод детской и «национальной» поэзии был гораздо «терпимее» к нарушениям в области объема стихотворения, размера, рифмы, образной системы.

Разберем переводы нескольких наиболее известных детских стихотворений Квитко.

1. «Жучок»

В начале XX в. мир детства стал предметом специального интереса: в это время впервые начали систематически изучать детское творчество, выставлять детские рисунки. Детство особенно интересовало молодую, еще «не вышедшую из детства», светскую еврейскую культуру.

Сразу после революции зародилась массовая еврейская детская литература, впервые попытавшаяся разговаривать с ребенком на его собственном языке. Так, в 1920-х гг. художник Исохор-Бер Рыбак иллюстрировал детские книги, воспроизводя манеру детского рисования. Рыбак вместе с Квитко участвовал в работе киевской «Культур-лиги», иллюстрировал его книги детских стихов: «Фейгльн» («Птицы», 1922), «Карл и Мирза» (1927) и большой сборник «Ринг ин ринг» («Кольцо в кольце», 1928).

Все мемуаристы, пишущие о Квитко, отмечают его необыкновенную детскость. В своих стихах Квитко постоянно обращается к детскому мировосприятию, но для него это не сумма приемов, а естественная речь. Самые страшные «погромные» стихи Квитко по формальным признакам мало чем отличаются от его самых веселых «детских» стихов. Спонтанность изложения, простой синтаксис и бедный словарь, небогатый набор метафор (но те, что есть — особенно выразительны) и, самое главное, тот особый аскетизм выразительных средств, когда смысл высказан не в словах, а зияет в пустотах и зазорах между словами.

Квитко осознавал поэтическую мощь зияния. В одном из его поздних стихотворений проstack, посланный помещиком на рынок за волами, покупает на хозяйские деньги *ниги*, напев без слов, за что подвергается жестокому наказанию. И этот напев, который повторяется рефреном после каждой строфы, выражен строчкой точек.

Поэзия Квитко часто оказывалась слишком «бедна» и «гола» для русских переводчиков, и они старались сделать ее «богаче», «интересней».

Классический пример такой борьбы с аскетизмом — перевод Маршаком стихотворения «Дос жукл» («Жучок», 1917), впервые опубликованный в 1936 г. в журнале «Чиж», № 36. Затем, начиная с первого большого сборника 1937 г., этот перевод входил во все последующие сборники Квитко в русских переводах² [Квитко 1965, с. 109–111].

ЖУЧОК

Над городом ливень
Всю ночь напролет.
На улицах — реки,
Пруды — у ворот.

Трясутся деревья
Под частым дождем.
Промокли собаки
И просятся в дом.

Но вот через лужи,
Вертясь, как волчок,
Ползет неуклюжий
Рогатый жучок.

Вот падает навзничь,
Пытается встать.
Подрыгал ногами
И встал он опять.

До места сухого
Спешит доползти,
Но снова и снова
Вода на пути.

Плывет он по луже,
Не зная куда,
Несет его, кружит
И гонит вода.

Тяжелые капли
По панцирю бьют,
И хлещут, и валят,
И плыть не дают.

Вот-вот захлебнется —
Гуль-гуль! — и конец...
Но смело играет
Со смертью пловец!

Пропал бы навеки
Рогатый жучок,
Но тут подвернулся
Дубовый сучок.

Из рощи далекой
Приплыл он сюда, —

Его принесла
Дождевая вода.
И, сделав на месте
Крутой поворот,
К жучку на подмогу
Он быстро идет.
Спешит ухватиться
Пловец за него.
Теперь не боится
Жучок ничего.
Плывет он в дубовом
Своем челноке
По бурной, глубокой,
Широкой реке.
Но вот приближаются
Дом и забор.
Жучок через щелку
Пробрался во двор.
А в доме жила
Небольшая семья.
Семья эта — папа,
И мама, и я.
Жучка я поймал,
Посадил в коробок
И слушал, как трется
О стенки жучок.
Но кончился ливень,
Ушли облака,
И в сад на дорожку
Отнес я жука.

Далее я привожу транскрипцию оригинального стихотворения [Квитко 1967, с. 148–149] и выполненный мной подстрочный перевод.

ДОС ЖУКЛ
А регн! А регн!
Се гист митамол
И ринвес и ритчкес
Фун барг ун ин тол.

ЖУЧОК
Дождь! Дождь!
Вдруг льются
И канавы и ручьи
С горы в долину.

Сай беймер сай твуес — Зей цитерн нас, Кейн менч, кейн фейгл Кейн хинт нит ин гас	Как деревья, так и злаки Дрожат, сырые, Ни человека, ни птички, Ни собаки на улице
Ун эйнс нор а жукл Мит фиселех ройт — Эс дрейт зих мит ричкес Ун шпилт митн тойт.	И только один жучок С красными ножками — Вертится вместе с ручьями И играет со смертью.
От керт зих дос ибер — Ой, гул-гул, ун ойс! От штелт дос а фисл Ун райст зих аройс.	Вот он переворачивается — Ой, буль-буль, и пропал! Вот ставит ножку И вырывается.
От тут им ин кепл А тропн а клап, Ун унтер а булбе От тут эр а хап.	Вот по головке Его ударяет капля, И под картофелину Он бросается.
Нор до тут а шпендл А крим зих, а луф, А нейг зих цум жукл Ун немт эс аруф.	Но тут щепка Искривляет свой путь, подбегает, Наклоняется к жучку И вытаскивает его.
Дос штелт зих инмитн Ун халт зих гут цу, Эс швимт зих дос шпендел Ун трогт эргец-ву.	Он становится посередине И держится хорошенько, Плывет себе щепка И несет куда-то.
Ди ричке, зи блезлт Ун зилберт ун блент. Эс трогт зих дос шпендл Фар штибер, фар вент.	Ручей пузырится, И серебрится, и слепит, Несется щепка К домам, к стенам.
Ун кумт цу а штибл Ун тут зих а штойс. Арайн ин а лехл, Арайн ин а хойз.	И попадает к домику, И прорывается. В дырочку, В дом.
До войнт а мишпохе Мит киндерлех драй, Зей хапн дос жукл Ун лозн эс фрай.	Тут живет семья С тремя детьми, Они хватают жучка И отпускают его.

Первое, что обращает на себя внимание в переводе Маршака — это беспрецедентное удлинение стихотворения: в оригинале 10 четверостиший, в переводе — 17! Переводя с английского или немецкого, Маршак никогда не позволил бы себе такого «припека».

Рисунок В. Конашевича
к стихотворению «Жучок»
(из книги Л. Квитко «Моим
друзьям», М: Детская лите-
ратура, 1965 г.)

В переводе теперь кроме жучка есть еще один равноправный персонаж — мальчик, спасший жука. У мальчика есть мама и папа. Мальчик полюбил жучка («И долго я слушал, // Как трется жучок»), но все же отпустил его на свободу. У стихотворения появляется психологическое измерение, которое начисто отсутствует в оригинале.

Маршак делает оркестровку стихотворения более звучной, «богатой». В оригинале присутствует альтернанс: нечетные строчки имеют женскую клаузулу, четные — мужскую, но при этом рифмуются только четные строчки. Маршак в четырех строфах рифмует нечетные строчки, причем оставляет «старые» (то есть в четных строчках) рифмы точными и мужскими, а новые (в нечетных) делает неточными. Очевидно, происходит осознанное «усовершенствование» оригинала.

Но самое главное не это, а смена стилистического и лексического регистра. Стихотворение Квитко написано двухстопным амфибрахией. Если объединить соседние строки, то получаться рифмованные двустопия, написанные четырехстопным амфибрахией с четкой цезурой посередине и мужской рифмой. Это как раз та форма, которая была использована В. А. Жуковским в его знаменитом переводе баллады Гёте «Лесной царь». Сравните:

Кто скачет, кто мчится / под хладною мглой?
Ездок запоздалый, / с ним сын молодой.

А это Квитко:

А регн! А регн! / Се гист митамол
И ринвес и риткес / фун барг ун ин тол.

А это Маршак:

На улице ливень / всю ночь напролет.
Разлился бурливый / ручей у ворот.

Здесь важно обращение именно к переводу Жуковского, так как у Гёте в оригинале баллада написана дольником.

Увидев узнаваемый размер, переводчик выбрал стилистику, отсылающую к «Лесному царю» и, шире, ко всем балладам Жуковского. Отсюда такие узнаваемые и, в то же время невозможные у Квитко, слова и конструкции как «пловец», «дубовый челнок», «измучен борьбою», «из рощи далекой» и т. п. Вся игра построена на том, что интеллигентный читатель, в том числе ребенок из культурной семьи, опознает «Лесного царя» как интертекст «Жучка» и, соотнеся романтическую балладу с приключениями насекомого, умиляется и улыбнется.

Ничего этого нет в минималистской палитре Квитко. У Квитко, при почти полном отсутствии эпитетов, стихотворение держится на мощной звукописи, основанной на опорных согласных — это почти закливание и чуть ли не глоссолалия: «От тут им ин кепл // А тропн а клап». Или вот: «Ди ричке, зи блезлт // Ун зилберт ун блент». Мы слышим, как ручей (ричке) все время журчит: «Бл-бл-бл». Это не Жуковский, а скорее Хлебников. Интересно, что Маршак, который был большим поклонником Хлебникова, этого не заметил. Сколько можно судить по мемуарам Маршака он не знал идиша. Возможно, при переводе он располагал только указаниями на то, каким размером написан «Жучок», и подстрочником.

Как бы то ни было, Маршак создал замечательное стихотворение по мотивам стихов Квитко, но назвать его переводом можно с очень большой натяжкой.

Между тем, стихотворение «Дос жукл» совсем не о романтическом жучке, а о человеке, которого обстоятельства жизни несут куда-то без смысла и цели, а спастись ему или утонуть — как судьба решит. Это одно из самых ранних стихотворений Квитко — эмоциональное отражение его детства, проведенного в нищете и скитаниях. Позднее, в 1929 г., Квитко написал автобиографическую повесть «Лям и Петрик». Ее герою, alter ego автора, мальчику Ляму снится ледоход на Южном Буге: «Он одинешенек на льдине посреди Буга, там, где летом омуты, и его несет» [Квитко 2015, с. 6].

Этот ледоход — метафора жизни и мировосприятия героев. По полой воде, сталкиваясь и ломаясь, идут льдины, а вода тащит и их, и бревна, и камыш, и какой-то сор. Движение хаотично и непредсказуемо. Нет способа предвидеть, что стрелой помчится

дальше по реке, что застрянет, что налетит на преграду и сломается. Конфигурация происходящего меняется каждую минуту — страшно и весело одновременно. Такова же жизнь героя повести: в ней нет никакого смысла, никакой направляющей силы, никакой заранее рассчитанной траектории и цели. Все что ему остается — это быть готовыми ко всему, ничему не удивляться и изо всех сил стараться выплыть.

Приключения жучка стали развернутой метафорой этого веселого отчаяния.

***

История перевода «Жучка» получила мистическое продолжение. Перевод, выполненный Маршаком в 1936 г., перепечатывался без изменений во всех изданиях Квитко. Между тем, если набрать в поиске Яндекс или Гугла слова «Квитко Маршак жучок», то интернет принесет *другой* перевод Маршака, представляющий собой существенно иную редакцию общепринятого перевода (например, здесь <http://ouc.ru/marshak/zhuchok.html>, а также на многих других сайтах с детской поэзией). Она представлена в интернете гораздо шире общепринятой версии. Более того, в последние годы появилось уже и бумажное издание, иллюстрированная книжка для детей, основанная на этой странной редакции. Ни в одном известном мне издании Квитко ее нет. Совершенно не понятно, откуда она попала в сеть, так как сетевые публикаторы не утруждают себя ссылками. Единственная встреченная мной ссылка, отправляет к некому сборнику детских стихов Квитко, изданному якобы в 1951 г. Никаких библиографических данных, понятное дело, не приводится. Их и не может быть, как не могло быть и самого сборника: в 1951 г. Квитко уже два года как находился в заключении. Эта странная редакция представляет собой последовательное осуществление принципов намеченных в общеизвестном переводе. Все нечетные строки зарифмованы. Лексика существенно сдвинута в сторону романтической баллады, в сторону «псевдо-Жуковского». Вот, например, фрагмент этой версии (справа приведены аналогичные строфы «канонической» редакции перевода Маршака):

Вот-вот захлебнется —
Гуль-гуль! — и конец!
Но нет, не сдастся
Отважный пловец.

Вот-вот захлебнется —
Гуль-гуль! — и конец...
Но смело играет
Со смертью пловец!

Измучен борьбою,
Пропал бы жучок,
Как вдруг пред собою
Увидел сучок.

Из чащи дубовой
Приплыл он сюда.
Его из дубровы
Примчала вода.

Пропал бы навеки
Рогатый жучок,
Но тут подвернулся
Дубовый сучок.

Из рощи далекой
Приплыл он сюда, —
Его принесла
Дождевая вода.

Бросаются в глаза «измучен борьбою», «отважный пловец» и даже архаическая «дуброва». Последовательно удаляется вся сколько-нибудь разговорная лексика: «роща» заменяется на «чащу», изгоняется «низкая» строчка *«Подрыгал ногами»*; разговорное *«Но тут подвернулся»* заменяется на неуклюжее *«Как вдруг пред собою»*. Остается только гадать, откуда взялся этот текст. Может быть, это какой-то необнаруженный мною вариант перевода Маршака (хотя трудно представить себе, что Маршак стал бы рифмовать «дубовый — дубровы»), может быть, плоды пера неизвестного «редактора».

2. «Поросята»

Стихотворение «Хазерлех» («Поросята», 1929), известное в русском переводе Сергея Михалкова как «Анна-Ванна бригадир», несомненно, стало самым знаменитым стихотворением Квитко. Оно переиздавалось как на идише, так и в русском переводе бесчисленное количество раз — и в сборниках, и в виде отдельной книжки. Мне неоднократно доводилось встречать людей, которые помнили строки этого стихотворения, но даже не догадывались, что это перевод, тем более с идиша. Характерно, что на некоторых сайтах в интернете оно выложено как стихотворение Михалкова.

Стихотворение вошло во второй большой сборник Квитко «Стихи» (1938). Михалков как детский поэт находился тогда в расцвете своего таланта. Он, очевидно, гордился этим переводом. Существует запись, на которой молодой Михалков читает это стихотворение детям³. Сравним перевод с оригиналом. Вот всем известный перевод С. Михалкова [Квитко 1965, с. 79–82]:

Анна-Ванна бригадир

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Мы их не обидим:
Поглядим и выйдем!

— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросят купать пора,
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят
И потрогать спинки —
Много ли щетинки?

— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросят кормить пора,
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Рыльца — пяточками?
Хвостики — крючками?

— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросятам спать пора,
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!

— Уходите со двора,
Потерпите до утра.

Мы уже фонарь зажгли —
Поросята спать легли.

А вот, как и выше, транскрипция [Квитко 1967, с. 146–147]
и подстрочник.

ХАЗЕРЛЕХ

— Ана-Вана, бригадир,
Эфн уф фун штал ди тир!
Вайз ди нае, шейне
Хазерлех ди клейне!

— Шпетер, киндер, хеврелайт,

Ицтер до нит рашн,
Х'халт дох ицт ди хазерлех
Грод ин митн вашн.

ПОРОСЯТА

Анна-Ванна, бригадир,
Открой двери стойла!
Покажи новых, красивых
Маленьких поросят!

Тише, дети, приятели
(то есть, члены «хевре», компании)

Теперь здесь не торопитесь,
Сейчас поросята
Как раз умываются.

— Ана-Вана, бригадир,
Эфн уф фун штал ди тир!
Лоз зей дох а глет тон —
Могере ци фете?

— Шпетер, киндер, хеврелайт,
хот их ден фаргесн?

Се дарфн дох ди хазерлех
Гроде ицтер эсн.

— Ана-Вана, бригадир,
Эфн уф фун штал ди тир!
Гихер шойн бавайз зей —
Розеве ци вайсе?

— Шпетер, киндер, хеврелайт,
Штилер, нит гелофн,
Х'лейг авек ди хазерлех
Гроде ицтер шлофн.

— Ана-Вана, бригадир,
Киндер бетн зих ба дир!
— Ша, ша, хавейримлех,
Се шлофн ди хазиримлех!
От-о руен зей зих ойс —
Лоз их зей цу айх аройс!

Анна-Ванна, бригадир,
Открой двери стойла!
Дай и только погладить —
Тощие они или жирные?

Тише, дети, приятели,
Неужели я забыла?
Должны однако поросята
Как раз сейчас есть.

Анна-Ванна, бригадир,
Открой двери стойла!
Быстро покажи их —
Розовые они или белые?

Тише, дети, приятели,
Тише, не вбегайте,
Легли однако поросята
Как раз сейчас спать.
Анна-Ванна, бригадир,
Дети просятся к тебе!
Тихо, тихо, дружочки,
Спят поросяточки!
Вот они отдыхают —
Так я буду их к вам выводить!

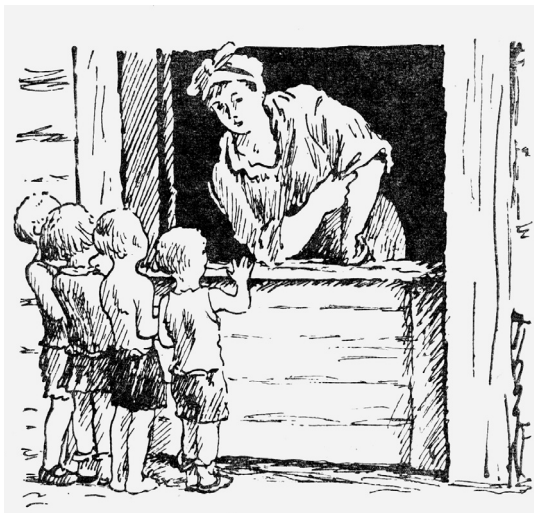

Рисунок В. Конашевича
к стихотворению «Анна
Ванна бригадир»

Это замечательный перевод, точный и свободный одновременно. Некоторые изменения формальной структуры, например, изменение рифмовки во всех, кроме последнего, ответах Анны-Ванны, мало что меняет по существу: две незарифмованные строчки с повторяющимися окончаниями «*хеврелайт — хазерлех*» заменены на пару постоянно повторяющихся рифм. Зато Михалков сохраняет и подчеркивает главную семантическую рифму всего стихотворения: «*хавейримлех — хазиримлех*», то есть «дружочки — поросяточки». Дело в том, что еврейское слово «хавер» означает «друг, приятель», но в советском идише оно приобрело еще одно значение: «товарищ» в «советском», «партийном» значении этого слова, например, «хавер Сталин», то есть «товарищ Сталин». Соответственно, «хавейримлех» можно понимать как «дружочки», а можно, как «маленькие товарищи», то есть октябрята или пионеры. И в ответ на осевое для этого стихотворения созвучие «хазер — хавер» («свинья — товарищ») Михалков отвечает столь же нагруженной семантически рифмой «отряд (вероятно, пионерский) — поросят».

В те годы, когда Михалков переводил «Поросят» он был очень дружен с обэриутом Александром Введенским. Существует обоснованное мнение, что Введенский влиял на начинающего детского поэта. Таким образом, перевод Михалкова относится к числу «обэриутских» переводам Квитко, которые мне представляются наиболее удачными. Ведь Квитко переводили и Заболоцкий, и Хармс. Как мне представляется, стихи Квитко близки к детской поэзии обэриутов и своим алогизмом, и своей игровой природой.

3. *Скрипочка*

Стихотворение «Дос фиделе» («Скрипочка», 1928) — одно из самых популярных стихотворений в творчестве Квитко, оно было много раз переиздано. Бог весть, почему издатели всегда предпочитали перевод Михаила Светлова, ведь, как недавно выяснилось, есть и другой, выполненный Николаем Заболоцким. Его обнаружил в журнале «Чиж» за 1936 г. и включил в свою статью о переводной детской поэзии поэт и переводчик Михаил Яснов. Собственно, Михаил Яснов, озадаченный несопадением двух переводов, и обратил мое внимание на этот малоизвестный перевод. Привожу оба перевода.

СКРИПОЧКА
[Яснов 2010]

Картонная коробочка,
Три ниточки на ней.
Построю себе скрипочку,
Чтоб было веселей.

На тоненькую палочку
Прилажу волосок.
Играет моя скрипочка,
Пиликает смычок!

Приходит кошка — слушает,
И пчелка не жужжит,
Лошадка вдоль по улице
Торопится, бежит.

Заботливая курица
Забыла про цыплят.
Беги к цыплятам, курица, —
В жаркое угодят!

Играет моя скрипочка —
Трай-ли, трай-ли, трай-ли!
Воробышки на дереве
Чирикают вдали.

Воробышки на вишенке
Уселись и сидят.
Заденут ветку хвостиком
И ягодки летят.

И смотрят все на скрипочку
Чудесную мою.
Недурно бы на скрипочке
Сыграть и воробью!

Тра-ляй-ляй, моя скрипочка,
Тра-ляй-ляй, мой смычок!
Бежит к цыплятам курица,
И кошка — наутек!

(Перевод Н. Заболоцкого)

СКРИПОЧКА
[Квитко 1965, с. 11–12]

Я разломал коробочку,
Фанерный сундучок.
Совсем похож на скрипочку
Коробочки бочок.

Я к веточке приладил
Четыре волоска —
Никто еще не видывал
Подобного смычка!

Приклеивал, настраивал
Работал день-деньской
Такая вышла скрипочка —
На свете нет такой!

В руках моих послушная
Играет и поет...
И курочка задумалась
И зерен не клюет.

Играй, играй же, скрипочка!
Трай-ля, трай-ля, трай-ли!
Звучит по саду музыка,
Теряется вдали.

И воробьи чирикают,
Кричат наперебой:
— Какое наслаждение
От музыки такой!

Задрал котенок голову,
Лошадки мчатся вскачь.
Откуда он? Откуда он,
Невиданный скрипач?

Трай-ля! Замолкла скри-
почка...
Четырнадцать цыплят,
Лошадки и воробушки
Меня благодарят.

Не сломал, не выпачкал,
Бережно несу,
Маленькую скрипочку
Спрячу я в лесу.

На высоком дереве
 Посреди ветвей,
 Тихо дремлет музыка
 В скрипочке моей.

(Перевод М. Светлова)

Прежде чем обсуждать эти переводы, посмотрим оригинал, транскрибированный кириллицей [Квитко 1967, с. 217–218], и на составленный мной подстрочник.

ДОС ФИДЕЛЕ

А зайтл фун а кестеле
 Ун федемер фун штрик —
 Мах их мир а фиделе,
 Мах их ан антик.

А цвайгл фун а беймеле,
 Ланге хор фун ферд —
 Ци их он а смчикл
 Ун цешпил зих, хэрт!

Ди бин блайбт штейн ун жумет нит,
 Ди кац фарайст дем коп,
 Се лозн зих ди лошеклех
 Авек ин а галоп.

Ди хун фаргест ди хинделех
 Ун хэрт зих цу мир айн.
 — Фаргес нит, хун, ди хинделех, Зей
 велн ин топ арайн! !

Се шпилт, се шпилт, майн фиделе:
 Трай-ли, трай-ли, трай-ляй!
 Драй пикерс афм каршнбойм
 Чирикен цу дербай.

Драй пикерс афм каршнбойм
 Мит хэлдзелах ви аш.
 Се тут а фох а вейделе,
 Фалт ароп а карш.

Нор кейнер дарф кейн каршн нит, —
 Ме хэрт дох майн музик,
 Йедер вил дос фиделе
 А ци тон митн смик!

СКРИПОЧКА

Бочок коробочки
 И нитки из веревки —
 Делаю я себе скрипочку,
 Делаю я нечто редкостное.

Веточка с дерева,
 Длинный волос от лошади —
 Натягиваю я смычок
 И разыгрываюсь, слушайте!

Пчела не движется и не жужжит,
 Кошка задирает голову,
 Пускаются жеребята
 Прочь галопом.

Курица забыла цыплят
 И прислушивается ко мне.
 — Не забывай, курица, цыплят,
 Они попадут в горшок

Играет, играет, моя скрипочка:
 Трай-ли, трай-ли, трай-ляй!
 Три пичужки на вишневом дереве
 Подчирикивают.

Три пичужки на вишневом дереве
 С шейками как зола.
 Взмах хвостиком,
 Падает вишня.

Но никому не нужны вишни, —
 Слушают мою музыку,
 Каждый хочет по скрипочке
 Провести смычком!

Трай-ли, трай-ли, майн фиделе,
 Трай-ли — ун шойн, ан эк.
 Се руфт ди хун ди хинделех,
 Ди пикерс — ойх авек!

Трай-ли, трай-ли, моя скрипочка
 Трай-ли — и все, конец.
 Зовет курица цыплят,
 Пичужки — тоже улетели!

Сразу видно, что перевод Заболоцкого — точный, а Светлова — вольный, достаточно сказать, что «неожиданный» финал Светлов просто присочинил. Кроме того, перевод (точнее, вольное переложение) Светлова, при всем его версической бойкости, — написан вообще не о том, о чем написано стихотворение Квитко.

У Светлова получилось стихотворение про хорошего мальчика, который сначала много и тяжело *«работал день-деньской»*, за что был впоследствии вознагражден восторгами толпы благодарных (*«Меня благодарят»*) животных, которые вообще, надо сказать, ведут себя как старушки в филармонии: *«Какое наслаждение // От музыки такой!»*. Затем, несмотря на все затраченные усилия (или благодаря им), лирический герой, очевидно, сходит с ума и тащит инструмент в лес. Но и в этой сложной ситуации благонаравие не покидает его: *«Не сломал, не выпачкал»*. Молодец!

Музыка (по Светлову) способна подавить в жадной, но мыслящей (*«задумалась»*) курице склонность к еде. Между тем, в оригинале (и у Заболоцкого) курица под действием музыки забыла о вещи более важной, чем еда, о детях (клуша — символ материнства), а о пище, о такой доступной в этот момент добыче, забыла хищная кошка. Какие там зерна, когда даже дефицитные (не достать!) вишни (их, напомним, сбили на землю птички, раскачивающиеся в экстазе, как хасиды на молитве) — и те оказываются никому не нужны. Мир зачарован музыкой: это не концерт, а древнее чудо, подобное тому, которое в мифах совершал Орфей, слушать которого сбегались звери и птицы. Как только чудо кончилось, мир возвращается в естественное состояние. Это точно понял Заболоцкий. В его версии курица возвращается к цыплятам, а кошка — убегает, ей больше нечего здесь (буквально!) ловить. Между прочим, и само создание скрипочки — чудо, а не результат кропотливого пыhtения «день-деньской».

Заболоцкий, несомненно, идиша не знал, переводил с подстрочника, хотя ему могло помочь знание немецкого. Кроме того, в ближайшем окружении поэта были люди наверняка знавшие идиш, например, товарищ Заболоцкого по ОБЭРИУ, прозаик Дойвбер Левин. Заболоцкий переводил с идиша уважительно, как впоследствии переводил, например, грузинских поэтов. Вообще, переводы

с идиша были предметом его постоянных переводческих усилий. Например, свой поздний перевод стихотворения еврейского поэта Самуила Галкина «Осенний клен» Заболоцкий включил в собрание своих лирических стихов, указав, естественно, первоисточник.

Светлов, родивший в бедной еврейской семье в Екатеринославе, скорее всего, знал идиш, но, очевидно, относился к стихам на идише только как к поводу для самовыражения. Если перевод Маршака далек от оригинала, но по своему замечателен, то у Светлова получилась какая-то лирическая ерунда. Бессмыслица проступает даже в деталях. Например, коробочка была нужна для скрипки как резонатор, а переводчик ее — разломал. Так можно сделать не скрипочку, а, в лучшем случае, электрогитарочку.

Оба переводчика несколько упростили размер стихотворения, переведя весь (у Светлова кроме двух последних «самодельных» строф) текст трехстопным ямбом с чередованием мужских и дактилических окончаний. Если учесть, что рифмуются только четные стихи с мужскими окончаниями, то это в чистом виде бессмертная «В лесу родилась елочка». Заболоцкий даже вставил в перевод одну «елочкину» строчку: «Торопится, бежит». Между тем, ритм стихотворения Квитко более сложен: в шести стихах из тридцати двух поэт усекает стих на первый слог (например «*Мах их мир а фиделе*»), за счет чего все стихотворение звучит совсем не «Ёлочкой». Главным образом, это усечение приходится на две первые, описывающие построение скрипки и смычка, строфы и, очевидно, ритмически имитирует игру на скрипке. Именно таким усеченным ямбом Светлов, видимо, почувствовав ударный характер этой ритмической фигуры, написал две свои «лишние» строфы.

Характерно, что таким же размером написано еще одно знаменитое «скрипичное» стихотворение — «Жил Александр Герцевич» Осипа Мандельштама. И в нем тоже ритмический перебой на первом слоге: своего рода немой вздох, и-раз! — на выдохе смычок ударяет по струнам. Быть может, найдется музыковед, который объяснит, почему именно с таким размером ассоциировалась у разных поэтов еврейская скрипка. Может быть, есть какая-то характерная музыкальная тема?

***

Вообще история переводов или, точнее, «непереводов» Заболоцкого из Квитко представляет собой загадку. В 1936 г. Маршак не только начинает публиковать в «Чиж» свои переводы из Квитко,

но и привлекает к переводческой работе над стихами Квитко Даниила Хармса и Николая Заболоцкого.

Тогда же начинается работа над первой книгой детских стихов Квитко в русских переводах. В 1936 г. Чуковский, инициировавший это издание, подробно обсуждает переводы и переводчиков в своей переписке с Маршаком [Чуковский 2003, с. 295–298]. При этом Чуковский особые надежды возлагает на Заболоцкого. Сам Квитко тоже знает о том, что Заболоцкий будет его переводить, и очень этому радуется. 12 сентября 1936 г. Квитко пишет своему другу критику и литературоведу Арону Гурштейну: «Я получил письмо от ленинградского писателя Заболоцкого, серьезного человека и очень хорошего, оригинального поэта. Он очень хочет перевести что-нибудь из моих стихов, так что серьезный переводчик у меня, верно, будет» [Квитко 2001, с. 298].

Чуковский тоже возлагает на Заболоцкого большие надежды. Практически одновременно с Квитко, а именно 5 сентября 1936 г., Чуковский пишет из Крыма Маршаку о переводах и переводчиках стихов Квитко. В Крым он приехал из Киева, где встречался с Квитко и вместе с ним отбирал стихи для готовящегося сборника. Чуковский пишет: «Сейчас Квитко написал великолепную поэму о быке⁴, — о взбесившемся быке, которого укротил рыжебородый Эзра (силач, очень маленького роста с длинной огненной бородой). Начинается так: «*Эзра, Эзра, во из Эзра?*»⁵ Обещал перевести эту вещь Заболоцкий» [Чуковский 2003, с. 297].

Речь идет о стихотворении «Эзре ун дер бунай» («Эзра и бык»).

Тем не менее, в первом сборнике Квитко «Стихи» (1937) это стихотворение появляется не в переводе Заболоцкого, а в переводе Осипа Колычева. Осип Колычев (настоящая фамилия Сиркес, 1904–1973) — поэт-песенник и профессиональный переводчик с идиша, был автором множества переводов стихов еврейских советских поэтов, в том числе детских стихов Квитко. В 1932 и 1935 гг. О. Колычев даже издал отдельный сборник своих переводов «Из еврейских поэтов». Его переводы есть и в первом и во всех последующих сборниках Квитко, причем их количество все время увеличивается. В следующем, существенно расширенном, сборнике Квитко «Стихи» (1938) стихотворение «Бык» появляется уже в новом переводе под заголовком «Эзра и бык». На этот раз переводчиком указан Владимир Державин. Именно этот перевод и входит во все последующие сборники Квитко. Поэт Владимир Державин (1908–1975) был весьма плодовитым переводчиком,

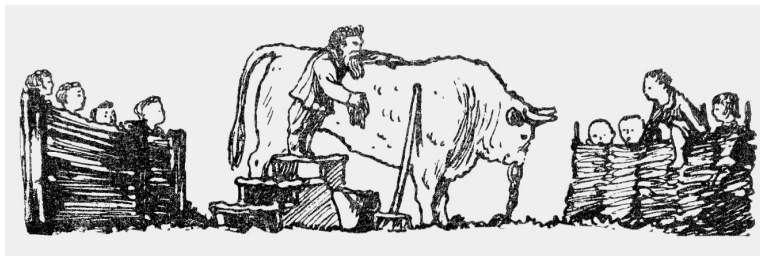

Рисунок В. Конашевича к стихотворению «Эзра и бык» в переводе В. Державина

но специализировался на переводах классической персидской поэзии и эпосов народов СССР. Переводы с идиша — буквально, семь стихотворений — занимают очень скромное место в его наследии. Среди них есть еще два поздних стихотворения Квитко, но детское только одно, а именно «Эзра и бык».

Перевод Державина гораздо интересней перевода Колычева, хотя перевод последнего вполне точный, добротный и вроде бы не должен был вызывать никаких нареканий. Тем более, что другие переводы Колычева заменены не были, и, как сказано выше, были дополнены новыми. Обращает на себя внимание одно обстоятельство. Стихотворение «Эзра и бык» — единственное среди произведений Квитко, чей перевод был заменен. Число его стихотворений, переведенных на русский язык, увеличивалось от года к году, но ни один из уже опубликованных переводов не был заменен, ни одно стихотворение, кроме стихотворения «Эзра и бык», не было переведено заново. Это беспрецедентный случай.

Сборник, в котором появился перевод Державина, был написан в печать в ноябре 1938 г. Николай Заболоцкий был арестован в марте 1938 г. и в ноябре еще находился под следствием. Есть основания думать, что за подписью Державина был опубликован именно перевод Заболоцкого. Такое практиковалось, поскольку позволяло получить гонорар для семьи арестованного литератора.

Конечно, у нас нет никаких прямых доказательств того, что перевод подписанный Державиным, был выполнен Заболоцким. Письмо Чуковского, так же как и странная замена перевода, доказательствами служить не могут. Можно поискать только косвенные улики.

Все стихотворение в обеих своих русских версиях переведено достаточно точно, никаких существенных отклонений от оригинала нет. Более того, перевод Державина даже точнее. Вот как

Рисунок В. Алфеевского к стихотворению «Бык» в переводе О. Колычева (из книги Л. Квитко «Стихи» М.-Л.: Детгиз. 1937 г.)

Квитко описывает закатное солнце, опускающееся на бычьи рога [Квитко 1967, с. 278–282]:

Ун ди хернер — штолц ун мехтик,	Рога — гордые и могучие,
Едер глинд а зунг, а троп:	Каждый член — певучий звук
Трогт ди зун эр цвишн һэрнер,	Он несет солнце между рогами,
Трогт ди зун зих афн коп.	Несет солнце на голове.

Сравним переводы О. Колычева [Квитко 1937, с. 61–66] и Вл. Державина [Квитко 1965, с. 57–60]:

Гордо он рога вздымает,	Каждый рог изогнут грозно,
Каждый мускул в нем поет.	Сила в мускулах поет,
Меж янтарными рогами	Солнце он между рогами,
Будто солнце он несет.	Солнце он на лбу несет!
<i>(Перевод О. Колычева)</i>	<i>(Перевод В. Державина)</i>

Видно, что второй перевод смелее, но при этом точнее. Но есть одно серьезное отклонение от оригинала в пятой строфе в переводе В. Державина. Дети прячутся от быка:

хинтер вентлех, унтер дехлех,	За стенки, под крыши,
хинтер камерен авек,	Разбежались за постройки,
Штупн киндер зих, зей кукн	Дети толпятся, они смотрят,
Ви дер окс ди эрд башмект.	Как бык обнюхивает землю.

В двух переводах это звучит так:

За сарай, под навесы	За плетнем столпились дети,
Спрятались ребята вмиг	Притаились у ворот
И глядят, как по дороге	И глядят, как по долине
Круторогий мчится бык.	Властелином бык идет.
<i>(Перевод О. Колычева)</i>	<i>(Перевод В. Державина)</i>

Последние две строчки этого четверостишия в переводе Державина сильно отличаются от оригинала, но зато живо напоминают вторую строфу из знаменитого стихотворения Заболоцкого «Осень» (1932) [Заболоцкий 1965, с. 62–63].

Осенних листьев сохлось вещество
И землю всю устлало. В отдалении
На четырех ногах большое существо
Идет, мыча, в туманное селение.
Бык, бык! Ужели больше ты не царь?
Кленовый лист напоминает нам янтарь.

Бык-властелин явно напоминает быка-царя. Конечно, и это не доказательство, но думаю, что специалистам по творчеству Заболоцкого стоит проверить мою гипотезу.

4. Я — маленький казак

В 2006 г. впервые была опубликована подборка вновь обнаруженных стихотворений Николая Олейникова. Едва ли не самое замечательное из них «Песня цыгана» (название не авторское) из сценария фильма «Леночка и виноград», который Олейников сочинял вместе с Евгением Шварцем в 1936 г. Вот это стихотворение [Олейников 2006, 133–137]:

Купил я дугу, колокольчик и кнут,
Уздечку и колечко, ведро и хомут.
Чабары, чавары...
Начистил уздечку, начистил хомут.
В сапог я засунул новенький свой кнут.

Чабары, чавары...
 В ведро набрал я — коня напоить.
 Вот только коня позабыл я купить.
 Чабары, чавары...

А вот хрестоматийное стихотворение Квитко «Их бин а козекл» («Я — маленький казак»), также написанное в 1936 г. В очень удачном, хотя ритмически не совсем точном, переводе Благиной оно называется «Про коня и про меня» [Квитко 1965, с. 135–139].

Шел я по ягоды —
 Шел, ну и шел...
 Железа кусок
 На дороге нашел.
 Над этим железом
 Я долго мудрил:
 Я это железо
 И чистил, и резал,
 Ковал — и подковы
 Коню смастерил.
 Теперь у моего коня есть подковы! <...>

Затем мальчик находит кусок кожи, из которого делает седло, и шелковый шнурок, из которого делает уздечку. Заканчивается стихотворение так:

Подковы-то есть,
 Уздечка-то есть,
 Седло тоже есть.
 Буденновец с шашкой
 Отточенной есть.
 Ему на коня бы горячего сесть,
 Ему красоваться бы
 В новом седле,
 А он одиноко
 Стоит на земле!
 Ведь нету того,
 Что дороже всего:
 Подумайте, нету
 Коня у него!
 Казак я! Буденновец!
 Храбрый боец!
 Так дайте ж мне, дайте
 Коня наконец!

Рисунок В. Конашевича к стихотворению «Про коня и про меня»

Смысловой параллелизм со стихотворением Олейникова очевиден.

В оригинале зачины каждой строфы звучат так [Квитко 1967, с. 232–234]:

Бин их мир геганген	Пошел я себе
Ягедес райсн,	Рвать ягоды
Треф их афен вег	Встречаю на дороге
А штикеле айзн.	Кусочек железа
...	
Бин их зих геганген	Пошел я себе
хойден ун виген,	Качаться на качелях
Треф их инем гроз	Встречаю в траве
А ледерл лиген.	Кожа лежит.

Очевидно, что ритмически дольник Квитко на основе 4-хстопного амфибрахия гораздо ближе к стихам Олейникова, чем к переводу Благиной. Сравните:

Бин их зих геганген / Гойден ун виген,	Купил я дугу, колокольчик и кнут,
Треф их инем гроз / А ледерл лиген	Уздечко и колечко, ведро и хомут.

Выше уже говорилось о том, что Маршак привлек к переводам Квитко Заболоцкого и Хармса. Эти переводы были опубликованы в «Чиже». Таким образом, среди друзей Олейникова циркулировали подстрочники и транслитерации стихотворений Квитко. Возможно, кто-то из сотрудников «Чижа» собирался переводить и стихотворение «Их бин а козекл». Не исключено, что Олейни-

кова, по происхождению донского казака, могло особенно заинтересовало еврейское стихотворение с названием «Я — маленький казак».

Сходство стихотворений Олейникова и Квитко, причем не только сюжетное, но и просодическое слишком велико, чтобы такое совпадение было случайным.

Примечания

¹ Автор этой статьи в юности перевел восьмидесятистрочное стихотворение-монолог Теннисона «Тифон», написанное белым пятистопным ямбом, позволив себе, при этом, сделать перевод длиннее на две строчки, за что был безжалостно раскритикован старшими коллегами.

² Основные сборники переводов Льва Квитко: Стихи. М.-Л.: Детгиз, 1937; Стихи. М.-Л.: Детгиз, 1938; К солнцу. М.: Дер эмес, 1948; Стихотворения (в серии «Библиотека советской поэзии»). М.: Художественная литература, 1964; Моим друзьям. М.: Детская литература, 1965; Весны, лета, осени. М.: Советский писатель, 1980.

³ (Запись включена в фильм Е. Цымбала «Красный Сион», смотреть с 36-й минуты, <https://www.youtube.com/watch?v=mAwxmt1xHLg>.)

⁴ «Эзра и бык» — это скорее не поэма, а большое стихотворение. В нем 96 строк. Оно было написано в 1928 г.

⁵ В оригинале этот стих звучит так: «Эзре, Эзре, ву из Эзре» («Эзра, Эзра, где Эзра?»). Чуковский воспроизводит его отчасти на немецкий лад.

Источники

Заболоцкий Н. Стихотворения и поэмы. М.-Л.: Советский писатель, 1965.

Квитко Л. Стихи. М.-Л.: Детгиз, 1937.

Квитко Л. Моим друзьям. М.: Детская литература, 1965.

Квитко Л. Весны, лета, осени. М.: Советский писатель, 1980.

Квитко Л. «Жизнь была бы великолепна...» Письма Льва Квитко М. Хашеватскому и А. Гурштейну. // Егупец, № 9. Киев, 2001. С. 285–299. (Перевод с идиша Х. Бейдера.)

Квитко Л. Лям и Петрик. «Книжники», М., 2015.

Лейб Квитко. Геклибене верк (Избранное). М.: Советский писатель, 1967.

Олейников Н. Влюбленный в вас дарю алмаз. Незданные стихи // Северная Аврора: Литературно-художественный журнал Союза писателей. 2006, № 3. С. 133–137.

Исследования

Дымшиц В. Или-или... К столетию Овсея Дриза. // Народ Книги в мире книг, № 73–74, 2008.

Чуковский К. Квитко. // Современники. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 523–536.

Чуковский К. «Между нами долго была какая-то стена...» Письма К. Чуковского к С. Маршаку // Егупец, № 12. Киев, 2003. С. 295–298.

Яснов М. От Робина-Бобина до малыша Русселя. <http://www.epampa.narod.ru/yasnov/robin.html>.